

© 1999 г., ЭО, № 6

В.П. Орфинский, И.Е. Гришина

ТРАДИЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В КАРЕЛИИ*

Расселение – взаиморасположение поселений на местности в целях хозяйственного освоения территории. Историко-архитектурные исследования традиционного сельского расселения Карелии немногочисленны¹. В отличие от этнографических и исторических, акцентирующих внимание на выявлении социально-экономических связей между поселениями, архитектурные аспекты нацелены на описание и анализ морфологических характеристик расселенческих структур. Эти, казалось бы, незначительные расхождения в установках могут привести к разным результатам при изучении одного и того же явления, что хорошо иллюстрирует история исследования гнездового расселения.

Под «гнездом» обычно понимается группа расположенных поблизости друг от друга селений, имеющих самостоятельные названия, но объединенных общим наименованием и осознаваемых жителями как единое поселение². Возникновение гнезд связывают с архаичной формой родовой организации – патронимией, свойственной патриархально-родовому строю и представляющей, по М.О. Косвену, «...группу семей, больших и малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, то есть образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование»³.

По мнению этнографа М.В. Вигова, гнезда поселений на Русском Севере стали появляться в процессе крестьянской колонизации края, причем в Заонежских погостах они сложились уже к XV в.⁴ Известный исследователь «расселенческих аспектов» аграрной истории А.Я. Дегтярев отмечал, что на территории Обонежской пятины в XVI–XVII вв. «гнездовая архаика уже находилась в стадии распада, характернейшая черта которой – срастание отдельных гнезд, приводящее к их исчезновению и образованию сплошного массива поселений». В южных частях ряда Новгородских пятин аналогичный процесс, по его мнению, завершился до конца XV в., а в Смоленской земле проходил уже в XI в.⁵

Иной точки зрения придерживался архитектор Ю.С. Ушаков, относя сложение на Русском Севере гнездового типа расселения к XVI–XVII вв., а его окончательное развитие и завершение – к XVIII–XIX вв.⁶ Можно уточнять приведенные датировки, но с тем, что на севере России существуют гнездовые образования, еще не достигшие предела своего развития, не станет спорить ни один исследователь деревянного зодчества, опирающийся на собственные натурные изыскания.

Обозначенное противоречие связано с различным ракурсом рассмотрения расселенческих проблем. Историки синхронизируют процессы гнездообразования и распада архаичной родовой общины, тем самым как бы отказывая гнездам поселений в праве на дальнейшее существование. Принципиально важное в этом смысле положение

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 95-06-17496).

выдвинул М.В. Витов, назвав гнездовой тип расселения определенным этапом в истории поселений всей Восточно-Европейской равнины⁷. Архитекторы же в разрешении проблемы существования гнезд ориентируются, и весьма правомерно, на свое непосредственное восприятие реальности.

Почему же в Карелии до наших дней сохранились «молодые» по своей морфологии гнезда поселений? Противодействие их срастанию оказывали специфика северных ландшафтов, оазисное расположение удобных земель. Большая часть гнезд, состоящих из обособленных деревень, расположена там, где их слиянию препятствовали местные ландшафтные условия – например, чересполосное расположение поселений и сельскохозяйственных угодий при отсутствии для последних равноценной замены на окружающей гнездо территории, наличие между деревнями непригодных для строительства заболоченных участков или разделяющих поселения водоемов и т.д. Но существуют расчлененные гнездовые образования и без выявленных причин консервации их структуры. В этой связи несомненный интерес представляет бытование в Карелии наряду с гнездовыми объединениями, имеющими патронимические названия, гнезд поселений с наименованиями, отражающими географию их местоположения⁸.

Очевидно, различия в названиях свидетельствуют о принадлежности расселенческих структур к «патронимическому» и «постпатронимическому» поколениям. К последнему относятся и, видимо, еще более молодые морфологические подобию гнезд – объединения взаимотяготеющих деревень, не имеющих общего названия. С использованием архитектурно-градостроительной терминологии все эти разновременные расселенческие образования можно определить одним понятием: групповые системы населенных мест. Повторение на разных исторических этапах морфологически сходных расселенческих структур с явно различным социально-экономическим содержанием наводит на мысль о сложном, нелинейном характере их развития. Рассмотрим это предположение на конкретном материале.

По данным этносоциолога Е.И. Клементьева, в Карелии в 1926 г. насчитывалось примерно 190 гнезд, охватывающих 830 деревень (37% от их общего числа). Наибольшая концентрация гнезд наблюдалась на юге, в то время как в Средней и Северной Карелии они встречались весьма редко⁹. Более того, и сами гнезда были далеко не одинаковы. Так, на юге в пределах Олонецкой равнины они, судя по картографическим документам – планам нарезки земли государственным крестьянам, уже в середине XIX в. представляли группы близко расположенных друг к другу, а иногда и сросшихся деревень. К концу XIX – началу XX в. количество сросшихся гнезд значительно увеличилось, причем в центре Олонецкого у. у слияния рек Олонка и Мегрега в начале XX в. возникли не только внутри-, но и межгнездовые агломерации поселений, вплотную подступивших к Олонцу.

В то же время в других частях Южной Карелии, а также в районе Падан (Средняя Карелия) и местами в Северной Карелии (Ухта, Кестеньга, западная часть Беломорского и юго-западная часть Кемского районов) зафиксированы развитые «эталонные» гнезда, состоящие из группирующихся по берегам озер и рек, тяготеющих друг к другу деревень. На остальной территории, в первую очередь в Северной Карелии (исключая промыслово-рыболовецкое Поморье), были распространены гнезда поселений, по определению В.В. Пименова, «выраженные значительно менее четко»¹⁰.

При сопоставлении ареалов различных вариантов гнездового расселения с агроклиматическим зонированием Карелии выявляется очевидная закономерность: прямая зависимость темпов формирования систем расселения от земледельческого потенциала территорий. В самом деле, ареал максимальной концентрации гнезд локализован в пределах Южной Карелии, принадлежащей к южному агроклиматическому району с мягкой зимой и наиболее длительным вегетационным периодом, позволяющим выращивать даже плодовые и ягодные культуры, особенно в юго-западной части района, на Олонецкой равнине¹¹. К последней, кстати, приурочен ареал сросшихся гнезд и межгнездовых агломераций.

Наоборот, север материковой Карелии принадлежит к северному озерному

агроклиматическому району, который характеризуется продолжительной и довольно суровой зимой, коротким и прохладным вегетационным периодом и лишь частично пригоден для возделывания сельскохозяйственных культур, нетребовательных к теплу¹². Видимо, поэтому здесь, в средней и восточной частях Карелии, находилось большинство гнезд поселений, «выраженных менее четко».

Наконец, Средняя Карелия входит в центральный агроклиматический район с умеренно холодной зимой и сравнительно теплым вегетационным периодом, что в целом благоприятствует выращиванию здесь ряда сельскохозяйственных культур¹³. Промежуточные между севером и югом края агроклиматические характеристики Средней Карелии в целом соответствуют ее промежуточному положению по уровню развития гнездовых систем расселения (относительно разреженная и неравномерная сеть развитых гнезд).

Соотношение между типами расселения и развитием земледелия осуществлялось с помощью систем земледелия, которые отличались друг от друга способом восстановления плодородия почв: путем внесения органических удобрений или с помощью перелога – периодического в течение нескольких десятилетий оставления полей без посева. Простейший и древнейший вариант переложной системы – подсеčno-огневое земледелие, связанное с использованием под пашню вырубленных и сожженных участков леса (при этом осуществлялось единственное до перелога удобрение почвы золой). После 2–3-летней эксплуатации такие участки запускались в перелог лет на 50. Усложненный вариант переложной системы – лесопольно-паровой, при котором после вырубki и двухлетних посевов поле на третий год распахивалось для борьбы с сорняками, но не засевалось (оставалось под паром). Такой севооборот нуждался в перелогах, но позволял сократить интервал между ними до 10–15 лет¹⁴. Лесопольно-паровая система применялась в Карелии (в Приладожье), по-видимому, уже в XIV в.¹⁵ Позднее она усложнилась внесением органических удобрений (навоза), что позволило обойтись без перелогов. Такая усовершенствованная система в отличие от лесопольно-паровой в наши дни называется просто трехпольной, или паровой. Начиная со второй половины XVIII в. на большей части территории Карелии она стала ведущей¹⁶. Но недостаток органических удобрений долго ограничивал масштабы ее применения рамками комбинированных систем, при которых на ближних к поселениям пашнях применялось трехполье, на дальних – переложные системы. При этом из-за недостатка навоза даже в более позднее время трехпольное земледелие по урожайности значительно уступало подсечному, что и предопределило широкое распространение последнего в карельской среде¹⁷.

Лесопольно-паровое и тем более чисто подсечное земледелие при естественном росте населения требовало постоянного освоения новых земель, что стимулировало широкое расселение крестьян на территории Карелии, т.е. активизировало процесс отпочкования починков и выселков. Так возникли центробежные тенденции в формировании систем расселения. Это явление на ранних стадиях аграрной колонизации Севера носило универсальный характер, представляя собой начальный этап формирования гнезд поселений и вообще сети сельского расселения, но осуществлялось несинхронно в различных частях обширного региона. Если в 1620-е годы в Западном Поморье починки составляли всего 0,3% от общего числа поселений, то в Центральном Поморье этот показатель повысился до 1,8, в Северо-Восточном Поморье – до 7,9, а в Вятской земле – до 52,2%¹⁸, т.е. практически изжитое на западе «починковое» освоение новых земель продолжало господствовать на востоке Русского Севера. Результатом длительного действия центробежных тенденций становится устойчивая малодозность поселений.

Процесс отпочкования, порожденный малоземельем, при сохранении прочих равных условий мог нейтрализоваться путем повышения степени интенсивности земледелия – постепенного увеличения применения трехполья и улучшения агротехнических мероприятий, повышавших наряду с развитием сухопутных дорог и транспортных средств доступность относительно удаленных сельскохозяйственных угодий. Все это способст-

вовало уплотнению сети расселения – увеличению размеров поселений, формированию развитых гнезд и их дальнейшему срастанию, т.е. вызывало центростремительную тенденцию, обратную центробежной и в известной степени ослаблявшую ее.

Развитой гнездовой тип расселения в Карелии приурочен главным образом к территориям с достаточно длительным земледельческим освоением. Косвенное подтверждение тому – обратная по своему характеру ситуация, сложившаяся на северо-востоке материковой Карелии, где в 1926 г. при отсутствии гнезд в условиях редкой сети единичных поселений доля выселков составляла около половины от их общего количества по Карелии¹⁹, что свидетельствует о позднем проявлении процесса отпочкования²⁰. Впрочем, иначе и быть не могло, поскольку земледелие здесь местами стало возможным только после глобального потепления, сменившего «малый ледниковый период», который в свою очередь пришел в XIII в. на смену «малому межледниковью» и продолжался почти шесть столетий вплоть до середины XIX в.²¹ Следовательно, отсутствие гнездовых объединений было, скорее всего, предопределено исторической молодостью аграрной культуры на крайнем севере Карелии.

Несколько южнее, на землях «дикий лопи» (саамов) в границах Лопских погостов, включавших помимо части Северной Среднюю и север Южной Карелии, в прошлом также господствовала безгнездовая система расселения. Она была связана с бытованием здесь промыслово-земледельческих комплексов, генетически восходящих к ранним стадиям аграрного освоения территории. Не случайно в Лопских погостах единицей обложения являлась не «обжа», как в остальных Новгородских землях, а «лук»²², введенный еще тогда, когда население края вело кочевое оленеводческое и охотничье хозяйство²³, а карельская крестьянская миграция из Приладожья не стала массовой.

Первая ее волна, приуроченная к XIV в., охватила территорию от р. Суна до оз. Сегозера, вторая волна в XV в. докатилась до оз. Ондозера и южной части бассейна р. Кемь²⁴. В результате крестьянской колонизации Лопских земель и, видимо, взаимодействия переселенцев с аборигенами-саамами сложилась система расселения, включавшая административно-религиозные центры – погосты-места – и отдельные дворы, разбросанные среди лесов и болот на значительном расстоянии друг от друга²⁵. Такая структура расселения – результат господства смешанного земледельческо-промыслового хозяйства. Примечательно, что складывалась она синхронно с гнездовыми системами расселения на севере Обонежской пятины, в Заонежских погостах, так как русская и прибалтийско-финская колонизации Карелии проходили примерно в одно время²⁶. А если вспомнить, что генезис гнезд связывают с патронимией, которая у прибалтийско-финского населения сохранялась дольше, чем у русских²⁷, то становится очевидным: различие систем расселения в Заонежских и Лопских погостах лишний раз подтверждает решающую роль в гнездообразовании развитой аграрной деятельности.

Как известно, на племенной территории корелы в Приладожье широко культивировалось земледелие, но на хозяйственную ориентацию карел в Лопских погостах и соответственно на сложившиеся системы расселения повлиял характер миграции, среди которой была значительная доля дисперсного, рассредоточенного во времени и пространстве переселения.

В 1581 г. Лопские погосты были опустошены шведами и только через некоторое время начали возрождаться, но тенденции формирования системы расселения сохранились: продолжалось по существу первичное освоение территории. По словам историка Р.Б. Мюллер, «лишь немногие новоприходцы селились на старых запустевших участках, иногда на "следах" своих отцов, большинство же осваивало лесную целину: почти о каждом сказано: (в Дозорной книге 1597 г. – В.О., И.Г.) "Сел ново на черном лесу"»²⁸.

Третья волна карельской миграции в Лопские погосты в XVII в. стала самой массовой²⁹, связанной, видимо, с одновременным переселением больших коллективов. Отмеченные особенности заселения Лопских погостов подтверждаются бытованием

среди сегозерских карел двух этнонимов: традиционного для собственно карел на всей территории их расселения «karjalažet» и локализованного на юго-востоке их этнического ареала «lappalažet» (лопари)³⁰. Сохранение первого самоназвания скорее всего связано с расселением карел компактными группами, что являлось естественным результатом «залповых» миграций, консолидирующих переселенцев и способствующих консервации в их среде элементов традиционной культуры. Что же касается второго этнонима, то его возникновение проще всего можно объяснить рассредоточенным расселением карел-переселенцев среди аборигенного саамского населения (возможно, уже частично ассимилированного) и, как следствие, активными этнокультурными контактами между ними, порождающими дальнейшую культурную интеграцию.

Подтверждением правомочности такого предположения служит примерное совпадение ареалов, с одной стороны, этнонима «karjalažet» и гнезд поселений³¹, а с другой стороны, этнонима «lappalažet» и системы расселения, состоящей преимущественно из отдельных (структурно автономных) деревень и починков. Более того, в описанных этнографом Д.К. Зелениным по архивным материалам XIX в. планировках деревень в районе Падан (в одном из немногочисленных в Средней Карелии очагов гнездобразования) отчетливо ощущаются отголоски центрально-кольцевых поселений³², связанных, как принято считать, с архаичными общинными традициями³³ и напоминающих военные поселения – городища Приладожья³⁴.

Решающее влияние массового характера миграции на уровень развития системы расселения вопреки аграрному потенциалу территории можно проиллюстрировать еще одним показательным примером. На западе северного субрегиона Карелии в бассейнах озер Пяозеро, Топозеро и Куйто (в районе Кестеньги и Ухты), несмотря на неблагоприятные агроклиматические условия, сложилась густая сеть развитых гнезд, соизмеримых с гнездами не только средней, но и южной части края. Правда, по меркам Архангельской Карелии этот район выделялся в сельскохозяйственном отношении. В частности, по данным земской статистики, в северо-западной Кестеньгской вол. в 1900-е годы на душу населения приходилось 6,1 пуда хлеба своего урожая против 3,6 пуда в юго-восточной Подужемской вол. того же Кемского у.³⁵ Но такое относительное «изобилие» значительно уступало аналогичному показателю по Олонецкой Карелии³⁶ и само по себе не может объяснить ухтинско-кестеньгскую «гнездовую аномалию». Тем более, что заселение этой территории карелами, мигрировавшими сюда, по мнению Д.В. Бубриха, из Приботнии, завершилось только в XVIII в.³⁷ Следовательно, «фактор времени» – длительность аграрного освоения территории – не успел стать дополнительным импульсом для гнездобразования.

Остается предположить, что в мышлении и поведении карел-переселенцев присутствовала некая тенденциозность, предопределенная устойчивыми традиционными стереотипами природопроборозовательной деятельности, сложившимися в более благоприятных агроклиматических условиях, и представлениями об идеальном образе среды обитания, оиозтизированными воспоминаниями о покинутой родине. Скорее всего гнездовое расселение в XVII–XVIII вв. являлось традиционным для мест прежнего проживания карел-переселенцев и было распространено ими в Северо-Западной Карелии. Гарантом сохранения и воспроизведения традиции селиться гнездами стала уцелевшая в условиях массовой миграции сельская община, в нашем случае – те социально-психологические ее механизмы, которые олицетворяли коллективные начала в жизни крестьян, служили оплотом всего комплекса крестьянской культуры.

Эти особенности общины закономерно проявлялись и в процессе освоения новых земель, который, по словам М.М. Громыко, «сопровождался постоянным воспроизводством определенных этнокультурных традиций, сложившихся на территории, давно освоенной данным этносом... В местах выходов переселенцев это выражалось в коллективном обсуждении предстоящего переселения, в отправке на разведывание новых мест представителей общины, в установлении связей с уже переселившимися на новые места односельчанами, в подготовке переезда. Даже в пути, если мигрировали компактные группы, территориальная община продолжала функционировать как

регулятор традиционного поведения. На новых местах в этом случае действовала та же община, и через нее шел процесс адаптации традиционной культуры к новым условиям»³⁸.

Естественно, что при этом объем и степень консервации форм, привнесенных карелами на новые земли, определялись стечением ряда обстоятельств, включая наличие определенной «критической» массы переселенцев (вполне вероятной в условиях «залповой» миграции), повышенную традиционность их культуры и активность этнического самосознания. По-видимому, все эти обстоятельства, характеризующие «степень этничности» культуры, сопутствовали переселению карел, традиционализм которых позволил им стать основными хранителями эпических рун «Калевалы». Существуют и чисто архитектурные аргументы консервативности переселенцев: длительное сохранение в районе Ухты и Кестеньги домов-комплексов, внушительные объемы и расширенный состав животноводческих помещений которых не соответствовал уровню развития скотоводства в Ухтинской и Кестеньгской волостях³⁹. То же подтверждают зафиксированные в бассейне оз. Топозера двухкамерные риги, известные в Карелии и на сопредельных территориях только в районах наиболее интенсивного земледелия и явно чужеродные для Северо-Западной Карелии⁴⁰.

Итак, пример ухтинско-кестеньгской «гнездовой аномалии» позволяет к намеченным нами выше центростремительным началам формирования сельского расселения добавить весьма сильнодействующий фактор – общинные связи и традиции. Консервативные по своему характеру социально-психологические функции общины обеспечивали необходимую преемственность в развитии сельского расселения, сдерживая центробежные тенденции, которые провоцировались не только закономерным расширением сельскохозяйственного освоения территорий, но и порой подстегивались крутыми поворотами истории, в том числе и изменениями в государственном управлении крестьянством.

История северного крестьянства с XV по XVIII в. успешно изучается с помощью письменных источников, но на их основании нельзя полностью восстановить картину расселения. Как справедливо отметил М.В. Витов, составители писцовых и переписных книг не интересовались общим названием гнезда деревень, «а наоборот старались зафиксировать название каждой отдельной деревни, так как деревня, а не группа деревень облагалась налогом и составляла хозяйственную единицу»⁴¹. Тем не менее с помощью письменных источников (в первую очередь писцовых и переписных книг) в фундаментальном труде по аграрной истории Северо-Запада средневековой России⁴² удалось в значительной степени заполнить лакуну между ранними археологическими и поздними этнографическими данными о сельском расселении.

Широкое применение в указанном труде вычислительной техники облегчило многоаспектное изучение эволюции расселения. В частности, с помощью корреляционного анализа удалось определить тесноту связей между параллельно протекавшими процессами⁴³. Но затруднительность, а то и невозможность в большинстве случаев локализовать на карте зафиксированные в писцовом делопроизводстве поселения не позволили получить такие существенные характеристики изучаемых множеств, как среднее квадратическое отклонение, коэффициент вариации и др.⁴⁴, что закономерно снизило степень вероятности ретроспекции.

В первую очередь это относится к мысли, красной нитью проходящей через ряд разделов «Аграрной истории», о существовании в позднее средневековье на обширном пространстве Северо-Запада России однородного массива равномерно распределенных мелких поселений⁴⁵. Такой постулат представляется дискуссионным, особенно с учетом предположения авторов «Аграрной истории» о предшествующем этапе эволюции расселенческой ткани как однонаправленном и равномерном развитии, характер которого на протяжении пяти столетий оставался неизменным⁴⁶.

Очевидно, что материалы писцового делопроизводства при исследовании расселения требуют поиска специальных интерпретаций. Плодотворную попытку в этом направлении предприняли археолог А.М. Спиридонов и историк И.А. Чернякова с помощью

проекции данных писцовых и переписных книг XVI–XVII вв. на конкретную археологически разведанную местность в центре бывшего Челмужского Петровского погоста на Онежском оз.⁴⁷ В результате отождествления археологических памятников – селищ и деревень, упомянутых в письменных источниках, выяснилось, что в XVI в. здесь проявилась тенденция к срастанию поселений в агломерацию. Так, например, вся территория, занимаемая селищем Челмужский погост, отождествляемым с деревнями Маркова Гора и Исаковская, была плотно застроена как в 1560-е годы, так и на протяжении всего последующего столетия. При этом общее количество дворов в деревнях приближалось к 20. А если учесть, как отмечают исследователи, что десяток современных усадеб деревень Маркова Гора и Исаковская, располагающихся в границах селища Челмужский погост, создают впечатление плотной застройки, то удвоение количества дворов явно должно было восприниматься как единое поселение с чисто условным разделением на части, разрывы между которыми с учетом сельскохозяйственных угодий фактически приближались к нулю⁴⁸.

Сходная ситуация сложилась и на других селищах Челмужского погоста за исключением, вероятно, Немены V, которое в момент составления древнейшего из сохранившихся по этой территории писцовых описаний 1563 г. уже было заброшено⁴⁹.

Если предположения исследователей справедливы, то рассматриваемые поселения позднего средневековья напоминают известные по картографическим материалам середины XIX в. срастающиеся гнездовые образования Олонечкой равнины, что полностью противоречит представлениям о Челмужском погосте как о крас пустынном и диком, плотность населения которого, выведенная в соответствии со сложившейся традицией использования данных писцовых книг, составляла в 1563 г. 0,1 чел. на км², а в 1582 г. – 0,05 чел. на км²⁵⁰. Различия между предполагаемой картиной расселения на погосте, воссозданной на основании писцового делопроизводства, и результатами конкретного сопоставительного исследования настолько существенны, что их нельзя объяснить только возможным расхождением между современной топографией местности, с которой соотносились исторические данные, и топографией XVI–XVII вв. Тем более что о необычайной плотности застройки поселений Челмужского погоста свидетельствуют отнюдь недвусмысленные записи. Так (в изложении А.М. Спиридонова и И.А. Черняковой), когда от пашенной земли д. Марковская «водой отмыло 10 чети в поле, а в дву по тому ж», власти вынуждены были согласиться с выбытием целой обжи из оклада, причем не только из тягла, но даже цуста, не найдя, по-видимому, возможности дать землю для пашни взамен где-нибудь поблизости, о чем и сообщает писец Петр Воейков в 1616 г., ссылаясь на предшествующее описание: «а после того тое деревни крестьяном у тое место земли нигде не дано...»⁵¹.

Наличие агломераций деревень на юго-востоке Карелии в XVI–XVII вв. и их отсутствие, судя по планам Генерального межевания, в конце XVIII в. позволяют предположить, что развитие сельского расселения края включало элементы цикличности. Подтверждение тому – анализ динамики укрупнения поселений на основании данных писцового делопроизводства⁵² (см. табл. 1–14).

Напомним, что, по подсчетам М.В. Витова, в свое время вызвавшим коренную ломку существовавших ранее представлений об эволюции на Русском Севере сельских поселений, средние размеры последних в Заонежских погостах в 1496 г. составляли 1,25 двора, в 1563 г. – 2,17; в 1583 г. – 2,33; в 1628 г. – 3,52; в 1647 г. – 3,70; в 1678 г. – 4,14 двора⁵³. Казалось бы, приведенный ряд цифр иллюстрирует относительно равномерный и постепенный рост размеров поселений. М.В. Витов оперировал абсолютными цифрами, а стоило заменить их относительными показателями среднегодового прироста дворности по промежуткам времени между писцовыми описаниями, как оказалось, что анализируемый процесс не прогрессировал, а скорее обнаруживал тенденцию к затуханию: за 1496–1563 гг. ежегодный прирост средней дворности поселений составлял 1,099%, за 1563–1583 гг. – 0,369; за 1683–1628 гг. – 1,135; за 1628–1647 гг. – 0,269; за 1647–1678 гг. – 0,384% (табл. 1).

Такое явление, казалось бы, легко объяснимо: естественный рост населения при

экстенсивном земледелии увеличивал дефицит сельскохозяйственных угодий, что вполне могло сдерживать размеры поселений. Правда, М.В. Витов в рассматриваемой работе анализировал обширную территорию – северную часть Обонежской пятины, на которой из-за разнообразия агроклиматических условий развитие земледелия и соответственно формирование поселений проходили (могли проходить) несинхронно. Следовательно, нельзя исключать, что разнонаправленные тенденции во многом сгивелировали результирующую траекторию анализируемого процесса.

Чтобы проверить правомерность такого предположения, подробнее рассмотрим данные по четырем соседствующим Заонежским погостам – Шунгскому, Толвуйскому, Кижскому и Челмужскому, приведенные в совместном исследовании М.В. Витова и И.В. Власовой с опорой на сведения не только писцовых и переписных книг XVI–XVII вв., но и ревизских сказок XVIII в.⁵⁴ Еще раз повторим уже апробированную нами процедуру – замену абсолютных показателей относительными. Сведенные в табл. 12 и 13 подсчеты показывают, что даже в период общегосударственного кризиса XVI в., усугубленного набегами шведов и «каянских немцев»⁵⁵ и вызвавшего спад укрупнения поселений в 1563–1583 гг. по Заонежским погостам в целом (табл. 1), четыре рассматриваемых погоста развивались достаточно стабильно (среднегодовой прирост средней дворности составил +1,78%).

Более того, некоторое снижение темпов увеличения поселений в смутные годы начала XVII в. уже в 1620–1628 гг. сменилось бурным всплеском роста дворности: в течение 8 лет годовой прирост усредненной дворности поселений достиг рекордного уровня – +4,44%. При этом параллельно происходили рост числа поселений и уменьшение пустошей (соответственно +0,991 и –0,571% в год; см. табл. 4), что свидетельствовало об активизации хозяйственной деятельности заонежан в условиях стабилизации экономики края. В этот период безусловно ведущей тенденцией стало увеличение общего количества дворов в существующих деревнях (+5,9% в год) при резком сокращении их числа в починках (–10,227%) (табл. 8) – подтверждение преобладания центростремительных тенденций в эволюции поселений над тенденциями центробежными, что, видимо, можно связать с таким социально-экономическим явлением, как расцвет на Русском Севере долевого деревни.

Естественно, не могла не повлиять на формирование поселений и фискальная политика правительства. Так, с первой трети XVII в. начался переход от посошного к подворному обложению, который, по словам А.Я. Дегтярева, способствовал заметному увеличению размеров крестьянского двора, уменьшая число семейных разделов и препятствуя отпочкованию молодых семей⁵⁶. Обратная зависимость между взаимосвязанными процессами – изменениями людности дворов и дворности поселений – позволяет предположить, что за активизацией роста дворности должен был последовать ее спад, связанный с изменением налогообложения. И действительно, такой спад произошел в 1628–1647 гг., но его масштабы далеко превзошли аналогичное явление по Заонежским погостам в целом (–0,97 против +0,269%; см. табл. 1 и 12).

Более того, сокращение средней дворности поселений сопровождалось снижением общего числа дворов как в деревнях (–0,873% в год; см. табл. 8), так и в починках (–5,263%). Все это явно не поддается объяснению без учета сложившейся к тому времени в регионе конкретной социально-экономической и политической ситуации. Проще всего отмеченное различие можно связать с «хлебным недородом» и «хлебной язбелю» 1630–1640 гг., сопровождавшимися мором скота в связи с эпизоотией 1638–1639 гг.⁵⁷, центр которых, видимо, находился на Заонежском п-ове. Нельзя не учитывать и изменения управления Заонежскими погостами, которое прежде осуществлялось из Новгорода, а в 20-е годы XVII в. – назначенными московским правительством воеводами на местах, что вызывало рост налогового обложения⁵⁸.

Рассмотрим еще один, наиболее примечательный период между 1678 и 1720 гг., к которому приурочен самый низкий показатель среднегодового прироста средней дворности поселений (–1,295%; см. табл. 13) при сокращении общего числа дворов в деревнях (–0,582% в год) и в починках (–0,958%; см. табл. 9).

Такое снижение основных показателей нельзя объяснить какой-либо одной причиной, даже такой существенной, как тяготы Северной войны. Скорее всего, решающую роль здесь сыграли реформы Петра I (и подготовка к ним), направленные на частичную нивелировку черносошных и собственнических крестьян путем перевода первых из них в сословие крестьян государственных, обложенных помимо подушной подати (сменившей в 1719 г. подворное обложение) добавочным посошным денежным сбором – эквивалентом частнособственническому феодальному оброку⁵⁹. К началу XVIII в. относится и приписка государственных крестьян к казенным заводам и Олонецкой верфи, поставившая их в крепостную зависимость от промышленных предприятий⁶⁰.

Наконец, и это самое главное, разложение долевой деревни привело к уничтожению общинного землевладения, замененного подворно-участковым. Как результат – торжество частной собственности на землю, существенное расслоение крестьянства⁶¹. Реакция крестьянства выразилась в активизации отпочкования выселков и починков. Подтверждение тому – самые значительные за весь рассматриваемый период увеличение общего числа поселений (+1,518% в год) и сокращение пустошей, связанное с возрождением заброшенных деревень (-2,381%; см. табл. 5). Такой рост числа поселений выглядит особенно симптоматичным на фоне общего обнищания государственных крестьян в Зонежье и, думается, не может быть объяснен ничем другим, кроме как активизацией центростремительных тенденций в формировании системы расселения.

Резюмируя результаты анализа, М.В. Витов и И.В. Власова констатировали: «...Изменения в числе деревень и дворов в них по отдельным годам в погостах были вызваны различными причинами: экономическими (рост земледелия, промыслов, возникновение горнозаводской и металлургической промышленности), социальными (возникновение "долевого" землевладения), политическими (войны, набеги), внутренними реформами (изменение в управлении погостов, изменения границ их) и т.д. Действия эти были различны. Экономические и социальные приводили к укрупнению деревень, политические события и административные реформы действовали в обратном направлении. Однако на общем процессе уменьшения числа деревень и их укрупнения к XVIII в. они не сказались»⁶². Но если взглянуть на табл. 1, 12 и 13, учитывающие, как уже говорилось, не только абсолютные, но и относительные показатели, то можно легко убедиться: укрупнение поселений – сложный процесс с явными элементами цикличности.

Следует сказать, что попытки «выправить» спираль эволюции сельского расселения на Русском Севере путем отождествления ее абриса с осью или касательной к некоторым из переломных точек предпринимались неоднократно. В частности, по словам А.Я. Дегтярева, для XVII в. «магистральным путем развития расселения стал постоянный (разрядка наша. – В.О., И.Г.) и быстрый рост размеров населенных пунктов»⁶³. Но, как уже отмечалось, это не так. Более того, траектория развития, наметившаяся в XVI–XVII вв., сохранилась и в последующие столетия: после спада в начале XVIII в. темпы увеличения дворности поселений возросли, достигнув в промежутке времени между 1720 и 1782 гг. + 1,936% (табл. 12), что, по-видимому, связано с развитием товарно-денежных отношений в условиях постепенной либерализации законодательных ограничений на неаграрную деятельность государственных крестьян⁶⁴. Кроме того, увеличение дворности способствовало очередное изменение налоговой системы: в XVIII в. подворное обложение сменилось подушной податью, что привело к распаду сложных семей и образованию новых дворохозяйств⁶⁵.

В XIX в. всплеск увеличения дворности поселений приурочен к периоду между 1838–1873 гг., что, по-видимому, связано, с одной стороны, с дальнейшей капитализацией деревни, с другой – с возрождением новой поземельной общины. Консолидирующая роль общинных традиций в процессе укрупнения поселений весьма значительна. Показательно, что в последней четверти XIX в. в преддверии столыпинской реформы надельного землевладения именно кризис поземельной общины привел к

снижению темпов роста средней дворности поселений (табл. 14), несмотря на усиление прочих центростремительных тенденций.

Как мы показали, не последнюю роль в процессе уменьшения или увеличения дворности (соответственно возникновения новых или развития уже существующих поселений) играет оппозиция частное/общественное в землевладении и землепользовании. В самом деле, архаичная большесемейная община обладала внутренним источником энергии, порождаемой на закате патриархально-родового строя борьбой противоположных начал – коллективного и индивидуального. Первое начало олицетворялось еще функционирующей общинной организацией, второе – индивидуальными семьями, которые, по словам М.О. Косвена, вначале лишь вызревали и дифференцировались в недрах большой семьи, а затем взрывали ее изнутри⁶⁶. (Внешним поводом для этого стал обострившийся дефицит сельскохозяйственных угодий.) Энергия взрыва, по-видимому, служила начальным импульсом для отпочкования родственных коллективов. Но по мере ослабления такого импульса в условиях тяжелейшей борьбы за существование начинала сказываться инерция общинных связей. Как отмечал М.О. Косвен, в суровых условиях Русского Севера, когда освоение лесной целины нуждалось в коллективах больших, чем семья и даже большая семья, патронимия оказалась актуальнее, нежели соседская община, и потому пережиточно удерживалась и после полного исчезновения последней⁶⁷. Возникали и новые формы производственной кооперации крестьян. Пример тому в Карелии – «ромши» – объединения в целях совместной обработки земли нескольких первоначально родственных, а затем соседских семей⁶⁸.

Следующий этап развития – долевая деревня, представлявшая собой поземельное целое, разбитое на доли, т.е. своеобразную общину. Она включала в зародыше подворно-участковую форму землевладения: каждый дольщик – крестьянский двор – имел право не на конкретный участок земли, а лишь на выдел известной доли из каждого угодья, принадлежавшего деревне. Кроме того, при определенных условиях крестьяне могли проводить уравнивание или земельный передел⁶⁹.

История повторилась, когда в связи с обострением земельного дефицита возник очередной кризис общинного землевладения – разложение долевой деревни, принявшее в XVIII в. необратимый характер, поскольку к этому времени прирост народонаселения стал угрожать «превышением допустимой демографической емкости освоенных (сельскохозяйственных. – В.О., И.Г.) ландшафтов»⁷⁰. Малоземелье и невозможность бесконечного дробления существующего земельного фонда государственных крестьян предопределили замену долевого землевладения подворно-участковым. В результате из-за расслоения крестьянства и обнищания основной его массы резко возросли недоимки налогов и податей в государственную казну, что в конце концов вынудило правительство принять «уравнивательные» меры, лишив государственных крестьян права индивидуального землевладения и создав в начале XIX в. путем подушного раздела земель поземельную общину⁷¹, которая в свою очередь стала вытесняться к рубежу веков частной собственностью на землю. Последний процесс стимулировала столыпинская аграрная реформа крестьянского надельного землевладения 1906 г.

Как уже отмечалось, однонаправленной эволюции расселенческой ткани в Карелии препятствовало то, что рост населения, как правило, обгонял увеличение продуктивности сельскохозяйственных угодий. Поэтому в ячейках сети расселения – в поселениях – изначально присутствовали центробежные тенденции, которые активизировались всякий раз, как ослабевали противодействующие им общинные связи – своеобразный «короткий поводок», препятствовавший разбеганию починков от гнездового ядра. Так, видимо, возникали и архаичные гнезда, и более молодые образования взаимоотносягающих деревень, объединявшихся названием уже не патронимическим, а указывающим на место их расположения (Янго-зеро, Лахта, Сяргозеро).

Вместе с тем сила общинных уз приводила к гнездообразованию лишь в тех случаях, когда поблизости находились пригодные для сельскохозяйственного освоения

земли в необходимом количестве, диктуемом существующей системой земледелия. В противном случае, оказавшись за пределами зоны, обеспечивающей сохранение ощущения «внутригнездового единства», починки развивались как автономные поселения. Такие поселения в конце XIX – начале XX в. составляли большинство деревень Карелии, но, судя по письменным источникам, достаточно широко бытовали и раньше. Видимо, кульминация их формирования связана с ослаблением общинных связей при распаде долевой деревни в XVIII в., вызванном острым малоземельем при экстенсивном характере земледелия.

Активный процесс отпочкования произошел и при распаде поздней поземельной общины в начале XX в., когда возникли хутора. В этой связи принципиально важными представляются результаты подсчетов, выявившие совпадение основных ареалов разбросанно-хуторского расселения с территориями преобладания развитых гнезд – на северо-западе в районе Ухты и Кестеньги, на югозападе в пределах зоны расселения ливвиков⁷². Правомерно предположить, что хутора знаменуют собой новый виток развития сети расселения на указанных территориях в условиях зарождающегося капитализма, когда индивидуальное землевладение в очередной раз расшатало общинные связи и началось дробление деревень на основе дальнейшей интенсификации земледелия с широким использованием наемного труда. Там, где общинные традиции были особенно сильны, образовались парадоксальные гнезда хуторов, связывающие индивидуальных владельцев в морфологическое подобие единого общинного территориального объединения. Пример тому – система хуторов Толло-река в Калевальском р-не (на территории ухтинской «гнездовой аномалии»), представлявшаяся местным жителям единой деревней.

Подводя итоги, можно констатировать, что в развитии сельского расселения Карелии периоды стабилизации, связанные с центростремительными началами (укрупнение поселений, развитие и срастание гнезд), сменялись временем территориальной экспансии под действием центробежных тенденций (уменьшение средней дворности, увеличение числа выселков и починков, начальный этап гнездообразования). Циклические изменения предопределялись периодичностью смены общинного и индивидуального землепользования (землевладения), накладывающейся на естественную циклическую природу механизма саморазвития сельского поселения: рост – достижение критической массы в условиях сельскохозяйственного потенциала конкретной территории – деление. Кроме того, траектория развития расселения усложнялась действием разнонаправленных, усиливающих/ослабляющих главные тенденции факторов: глобальных изменений климата; прогрессирующего развития агротехники, дорожной сети и транспорта; силы общинных связей и традиций по организации архитектурно-ландшафтной среды; государственного регулирования крестьянской экономики; крупных социальных бедствий.

Однако особенности заселения и неравномерность аграрного развития края привели к неоднородной картине расселения. Несформировавшиеся гнезда на северо-востоке карельского этнического ареала, развитые гнезда Южной Карелии и «аномальных» территорий средней и северо-западной части края, сросшиеся гнезда и, более того, намечившиеся межгнездовые агломерации на юге Олонецкой равнины, хутора на западе – все это подтверждает, что в Карелии на рубеже XIX–XX вв. существовали системы расселения, соответствующие различным этапам эволюции. Такая ситуация позволяет по единовременному территориальному «срезу» проследить за формированием расселенческой ткани во времени. При этом решается и дискуссионный вопрос о датировках основных этапов формирования сети расселения (починки и выселки, гнезда, единичные поселения) на Русском Севере. На примере Карелии мы попытались показать, что традиционное сельское расселение – не застывшее некогда, а живое, циклически развивающееся явление, чутко реагирующее на изменяющиеся реалии бытия.

Таблица 1

Прирост средней дворности поселений в Заонежских погостах с 1496 по 1678 г.

Показатель	Годы переписей					
	1496	1563	1583	1628	1647	1678
Средняя дворность поселений	1,25	2,17	2,33	3,52	3,7	4,14
Абсолютный прирост средней дворности	+0,92	+0,16	+1,19	+0,18	+0,44	
Среднегодовой прирост средней дворности	+1,099	+0,369	+1,135	+0,269	+0,384	

Таблица 2

Количество деревень, починок и пустошей в Шунгском, Толвуйском, Кижском и Челмужском погостах с 1563 по 1782 г.

Населенные пункты	Годы переписей							
	1563	1583	1620	1628	1647	1678	1720	1782
Деревни	467	375	420	460	473	Данные только по Кижскому и Толвуйскому погостам	454	496
Починки	61	—	9	3	—		33	—
Все поселения	528	375	429	463	473		487	496
Пустоши	37	200	175	167	5		—	—

Таблица 3

Количество деревень, починок и пустошей в Кижском и Толвуйском погостах с 1647 по 1720 г.

Населенные пункты	Годы переписей		
	1647	1678	1720
Деревни	340	184	324
Починки	—	34	33
Все поселения	340	218	357
Пустоши	4	16	—

Таблица 4

Абсолютный и среднегодовой прирост числа деревень, починок и пустошей в Шунгском, Толвуйском, Кижском и Челмужском погостах по периодам между переписями, %

	Периоды между переписями, г.									
	1563–1583		1583–1620		1620–1628		1628–1647		1720–1782	
Населенные пункты	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост
Деревни	–92	–0,99	+45	+0,32	+40	+1,19	+13	+0,15	+42	+0,15
Починки	–61	–5,0	+9	+2,70	–6	–8,33	–3	–5,26	–33	–1,61
Все поселения	–153	–1,45	+54	+0,39	+34	+0,99	+10	+0,11	+9	+0,03
Пустоши	+163	+22,0	–25	–0,34	–8	–0,57	–162	–5,11	–	–

Таблица 5

Абсолютный и среднегодовой прирост числа деревень, починок и пустошей в Кижском и Толвуйском погостах по периодам, %

Населенные пункты	Периоды между переписями, гг.			
	1647–1678		1678–1720	
	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост
Деревни	-156	-1,48	+140	+1,816
Починок	+34	+3,226	-1	-0,07
Все поселения	-122	-1,157	+139	+1,518
Пустоши	+12	+9,677	-16	-2,381

Таблица 6

Дворность деревень, починок и пустошей в Шунгском, Толвуйском, Кижском и Челмузском погостах с 1563 по 1782 г.

Число дворов	Годы переписей								
	1563	1583	1620	1628	1647	1678	1720	1782	
В деревнях	931	951	1536	2261	1886	Данные только по Кижскому		1456	3393
В починок	62	-	11	2(?)	-	и Толвуйскому погостам		49	-
Во всех поселениях	993	951	1547	2263	1886			1514	3393

Таблица 7

Дворность деревень и починок в Кижском и Толвуйском погостах с 1647 по 1720 г.

Число дворов	Годы переписей		
	1647	1678	1720
В деревнях	1375	1460	1103
В починок	-	82	49
Во всех поселениях	1375	1542	1152

Таблица 8

Абсолютный и среднегодовой прирост дворности в деревнях и починок в Шунгском, Толвуйском, Кижском и Челмузском погостах по периодам между переписями, %

Населенные пункты	Периоды между переписями, гг.									
	1563–1583		1583–1620		1620–1628		1628–1647		1720–1782	
	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост
Деревни	+20	+0,11	+585	+1,66	+725	+5,9	-375	-0,87	+1928	+2,12
Починок	-62	-5,0	+11	+2,70	-9	-10,23	-2	-5,26	-49	-1,61
Все поселения	-42	-0,21	+596	+1,69	+716	+5,79	-377	-1,05	+1879	+2,0

Абсолютный и среднегодовой прирост дворности деревень и починков в Кижском и Толвуйском погостах по периодам между переписями, %

Населенные пункты	Периоды между переписями, гг.			
	1647–1678		1678–1720	
	абсолютный прирост	среднегодовой прирост ‰	абсолютный прирост	среднегодовой прирост
Деревни	+85	+0,199	–357	–0,582
Починки	+82	+3,22	–33	–0,958
Все поселения	+167	+0,391	–390	–0,602

Таблица 10

Средняя дворность деревень, починков и пустошей в Шунгском, Толвуйском, Кижском и Челмужском погостах с 1563 по 1782 г.

Среднее число дворов	Годы переписей							
	1563	1583	1620	1628	1647	1678	1720	1782
В деревнях	1,99	2,54	3,66	4,92	3,99	Данные только по Кижскому	3,23	6,84
В починках	1,02	–	1,22	1(?)	–	и Толвуйскому погостам	1,49	–
Во всех поселениях	1,88	2,54	3,61	4,89	3,99		3,11	6,84

Таблица 11

Средняя дворность деревень и починков в Кижском и Толвуйском погостах с 1647 по 1720 г.

Среднее число дворов	Годы переписей		
	1647	1678	1720
В деревнях	4,044	7,935	3,404
В починках	–	2,412	1,485
Во всех поселениях	4,044	7,073	3,226

Таблица 12

Абсолютный и среднегодовой прирост средней дворности деревень и починков в Шунгском, Толвуйском, Кижском и Челмужском погостах по периодам между переписями, %

Населенные пункты	Периоды между переписями, гг.									
	1563–1583		1583–1620		1620–1628		1628–1647		1720–1782	
	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост
Деревни	+0,54	+1,36	+1,12	+1,2	+1,26	+4,3	–0,93	–0,99	+3,61	+1,81
Починки	–1,02	–5,0	+1,22	+2,70	–0,22	–2,78	–1,0	–5,26	–1,49	–1,61
Все поселения	+0,66	+1,78	+1,07	+1,14	+1,28	+4,44	–0,90	–0,97	+3,73	+1,94

Абсолютный и среднегодовой прирост средней дворности деревень и починок в Кижском и Толвуйском погостах по периодам между переписями, %

Населенные пункты	Периоды между переписями, гг.			
	1647–1678		1678–1720	
	абсолютный прирост	среднегодовой прирост	абсолютный прирост	среднегодовой прирост
Деревни	+3,891	+3,103	-4,531	-1,36
Починок	+2,412	+3,226	-0,927	-0,915
Все поселения	+3,029	+2,416	-3,847	-1,295

Таблица 14

Прирост средней дворности поселений в Олонецкой губернии с 1838 по 1905 г.*

Показатель, %	Годы переписей			
	1838	1873	1892	1905
Средняя дворность поселений	7,45	10,49	12,33	13,67
Абсолютный прирост средней дворности	+3,04	+1,84	+1,34	
Среднегодовой прирост средней дворности	+1,166	+0,925	+0,835	

* Рассчитано по: Бергитрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838; Список населенных мест Российской империи. XXVII. Олонецкая губерния. СПб., 1879; Список населенных мест Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1894; Список населенных мест Олонецкой губернии. Петрозаводск за 1905 г. 1907.

Примечания

¹ Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982; Медведев П.П. К вопросу о классификации систем расселения на примере Беломорского Поморья // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвузовский сб. Петрозаводск, 1988.

² Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962. С. 173; Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.; Л., 1965. С. 80.

³ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 97.

⁴ Витов М.В. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение // Сов. этнография (далее – СЭ). 1955. № 2. С. 39.

⁵ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. Т. 28, 34–35.

⁶ Ушаков Ю.С. Указ. раб. С. 20.

⁷ Витов М.В. Гнездовой тип расселения... С. 40.

⁸ Тароева Р.Ф. Указ. раб. С. 80.

⁹ Клементьев Е.И. Этнические аспекты переписи населения 1926 г. // Карелы, финны. Проблемы этнической истории. Сб. статей и докладов. М., 1992. С. 53, 57. Табл. 5.

¹⁰ Пименов В.В. К истории сложения типов поселений в Карелии // СЭ. 1964. № 2. С. 8–9.

¹¹ Атлас Карельской АССР. М., 1989. С. 14.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Шенников А.А. Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI в. СПб., 1993. С. 8–10.

¹⁵ Кочуркина С.И. Древняя карела. Л., 1982. С. 149.

¹⁶ Тароева Р.Ф. Указ. раб. С. 25.

¹⁷ Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV – начало XVI в. Т. 1. Л., 1971. С. 261; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 34.

¹⁸ Дегтярев А.Я. Указ. раб. С. 92–93.

¹⁹ Клементьев Е.И. Этнические аспекты... С. 55.

²⁰ Видимо, часть этих выселков вместе с материнскими поселениями была принята В.В. Пименовым за уже упоминаемые нами гнезда, «выраженные значительно менее четко» (Пименов В.В. Указ. раб. С. 8–9).

²¹ Девятова Э.И. Палеогеография и освоение человеком Карелии // Поселения древней Карелии (от мезолита до эпохи средневековья). Петрозаводск, 1988. С. 7–18. Цикличность изменения климата Северной Европы в эпоху голоцена подтверждена многочисленными исследованиями (см., напр., Шитников А.В. Из голоценовой истории озер Евразии // Ритмы и цикличность в природе. М., 1970; Хомутова В.И. Геохронология донных отложений по результатам палинологического анализа // Палинология Онежского озера. Л., 1976; Монин А.С., Шишков Ю.А. История климата. Л., 1979; Дроздов О.А. О временной структуре климатов голоцена и современной эпохи // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1983. № 4 и др. Применительно к сельскому хозяйству Карелии о том же свидетельствуют археологические данные, иллюстрирующие похолодание в период средневековья на примере смены культивируемых злаков с постепенным вытеснением из севооборота к XV–XVI вв. пшеницы рожью (см.: Кочкуркина С.И. Указ. раб. С. 149). Наоборот, потепление в связи с окончанием «малого ледникового периода» вызвало в Северной Карелии на рубеже XIX–XX вв. замсну оседлого оленеводства стойловым скотоводством, основная задача которого – обеспечение земледелия органическими удобрениями (Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 8; Тароева Р.Ф. Указ. раб. С. 30). О том же свидетельствует позднее к рубежу XIX–XX вв., формирование в средней и восточной частях северо-запада материковой Карелии домов-комплексов (Орфинский В.П., Гришина И.Е. К вопросу о формировании крестьянских усадеб в Карелии // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 25–26, 29–30).

²² Обжа – единица поземельного обложения в Новгородских землях XV–XVII вв. Не являясь точной мерой земли, она все же находилась в некотором соответствии с дворовой запашкой («один человек на одной лошади орет»). См.: Аграрная история Северо-Запада России. Т. 1. С. 24–29. Лук – единица обложения, соответствовавшая идеальной доле в общеволостном промысловом владении (См.: Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Север, Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Т. 3. Л., 1978. С. 85.)

²³ Там же. С. 83–85.

²⁴ Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 37–39.

²⁵ Аграрная история Северо-Запада России... Т. 3. С. 83.

²⁶ Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 189–190.

²⁷ По данным М.В. Витова, в XV–XVI вв. в Заонежских погостах прибалтийско-финское население жило большими семейными коллективами, включавшими «детей» и «племя», в то время как русские – малыми семьями с «детьми» и «братией» (Витов М.В. Гнездовой тип расселения на русском Севере... С. 35–37).

²⁸ Аграрная история Северо-Запада России... Т. 3. С. 83.

²⁹ Основанием для такого предположения послужило то обстоятельство, что в отличие от последовавшего в XVII в. «массового исхода» карелы из Северо-Западного Приладожья и переселения к XVIII в. прибалтийских карел первая волна карельской миграции XIV в., вызванная отторжением Швецией Юго-Западного Приладожья (вошедшего в состав Выборгского замкового лена), затронула только часть населения. Другая часть осталась на месте и впоследствии образовала восточную группу финского населения (савалаксы). Скорее всего, не более многочисленной стала и вторая волна (XV в.), поскольку она была вызвана не крупномасштабной шведской аннексией, а только пограничными инцидентами на русско-шведской границе.

³⁰ Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. Л., 1980. С. 3; Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX века. Л., 1981. С. 5.

³¹ Часть гнезд Сегозерья, как и всей Средней Карелии, сложилась вокруг административных центров погостов, ставших местами притяжения переселенцев.

³² Зеленин Д.К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // Советская этнография. Сб. статей. Вып. V. М.; Л., 1941. С. 121.

³³ Иконников А.В. Планировочные традиции в народном зодчестве // Архитектурное наследство. Вып. 14. М., 1962. С. 16.

³⁴ Кочкуркина С.И. Указ. раб. С. 40.

³⁵ Архангельская Карелия. Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1908. С. 26.

³⁶ Олонецкая губерния. Статистический справочник статистического бюро Олонецкой губернской земской управы. Петрозаводск, 1913.

³⁷ Бубрих Д.В. Указ. раб. С. 41.

³⁸ Громыко М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5. С. 79.

³⁹ Архангельская Карелия. С. 20–21. Такие дома были впервые упомянуты в 1830-е годы Элиасом Леннротом (Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. Петрозаводск, 1985. С. 186–187), зафиксированы на рубеже XIX–XX вв. на многочисленных фотографиях И.К. Инха (*Inha I.K. Kalevalan laulumailta*. Helsinki, 1906; *idem. Kalevalan laulumailta*. Helsinki, 1909; *Vento U., Laaksonen P. I.K. Inha 1984 valokuvaaja Vienan karjalassa*. Helsinki, 1968) и отмечены в качестве пережитков старины в 1920-е годы этнографом Я.Л. Капицей (*Капица Я.Л. Материалы для этнографической характеристики Кондоковского и Вокнаволоцкого районов Северо-Западной Карелии* // Карельский сб. Л., 1929. С. 24).

⁴⁰ Орфинский В.П., Вахрамеева Т.И. К вопросу о генезисе и эволюции риг Карелии // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 182–184, 186. О том, что двухкамерные риги ухтинско-кестеньгских карел конца XIX – начала XX в. – реликты хозяйственных построек, возникших на более южных территориях, дополнительно свидетельствует обратная направленность их эволюции – от двух- к однокамерным сооружениям, что вызвано постепенным их приспособлением к сельскохозяйственной ситуации на севере Карелии.

⁴¹ Витов М.В. Гнездовой тип расселения... С. 32.

⁴² Аграрная история Северо-Запада России. Т. 1–3; Аграрная история Северо-Запада России XVII века. (Население, земледелие, землепользование). Т. 4. Л., 1989.

⁴³ Аграрная история Северо-Запада России. Т. 2. С. 15.

⁴⁴ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Л., 1980. С. 40.

⁴⁵ Аграрная история Северо-Запада России. Т. 3. С. 155; Т. 4. С. 20.

⁴⁶ Характерная в этом отношении гипотетическая реконструкция эволюции системы расселения Деревской пятины на протяжении XI–XV вв. путем экстраполяции в прошлое среднегодового роста числа поселений в 0,6%, выявленного путем сопоставления разделенных примерно 15-летним интервалом писцовых книг конца XV в. «старого» и «нового» письма. Аналогичные подсчеты были выполнены и по Обонежской пятине, для которой среднегодовой рост на три предшествующих столетия был определен в 0,86% (Дегтярев А.Я. Указ. раб. С. 32).

⁴⁷ Спиридонов А.М., Чернякова И.А. К проблеме топографии и размеров сельских поселений на северо-западе России в XV–XVII вв. (по письменным и археологическим материалам Заонежья) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия...

⁴⁸ Там же. С. 36–38.

⁴⁹ Там же. С. 34–35.

⁵⁰ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Т. 2. С. 243. Табл. 190.

⁵¹ Спиридонов А.М., Чернякова И.А. Указ. раб. С. 37–38.

⁵² Авторы отдают себе отчет в относительности усредненных статистических показателей. Кроме того, материалы писцового делопроизводства сохранились далеко не полностью, а на достоверность содержащихся в них сведений влияла реакция крестьянства на фискальную политику правительства – укрывание от описи людей и сокрытие от обложения, которое в некоторых районах достигало значительных размеров (Аграрная история Северо-Запада России. Т. 3. С. 136). Поэтому приведенные ими подсчеты ориентированы на выявление лишь некоторых наиболее общих тенденций и закономерностей изменения дворности поселения.

⁵³ Витов М.В. Формы поселений европейского Севера и время их возникновения // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. XXIX. М., 1958. С. 34–35.

⁵⁴ Витов М.В., Власова И.В. Указ. раб. С. 155–159, 161–165, 168.

⁵⁵ Мюллер Р.Б. Указ. раб. С. 54.

⁵⁶ Дегтярев А.Я. Указ. раб. С. 168.

⁵⁷ Чернякова И.А. Крестьяне Олонцкого края в XVII веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 13.

⁵⁸ Витов М.В., Власова И.В. Указ. раб. С. 168–169.

⁵⁹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М.; Л., 1946. С. 23–25.

⁶⁰ Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1961.

⁶¹ Дружинин Н.М. Указ. раб. С. 79.

⁶² Витов М.В., Власова И.В. Указ. раб. С. 184.

⁶³ Аграрная история Северо-Запада России. Т. 4. С. 28.

⁶⁴ В 1745 г. был принят закон, разрешающий государственным крестьянам ведение ограниченной торговли, новый таможенный устав 1755 г. разрешил им беспрепятственно торговать привозным хлебом, а указ от 17 марта 1775 г. расширил промысловые права крестьянства и т.д. (Дружинин Н.М. Указ. раб. С. 69–80).

⁶⁵ Кох О.Б. Крестьянская семья в государственной деревне начала XVIII в. // Исследования по истории крестьянства европейского Севера России: Межвузовский сб. научных трудов. Сыктывкар, 1980. С. 18.

⁶⁶ Косвен М.О. Указ. раб. С. 6–7.

⁶⁷ Там же. С. 118–123.

⁶⁸ Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX века. Л., 1981. С. 13.

⁶⁹ Ефименко А.Я. Крестьянское землевладение на крайнем Севере // Исследования народной жизни. М., 1884. С. 293, 375.

⁷⁰ Там же. С. 364.

⁷¹ Там же. С. 293–301, 345, 364–370

⁷² Клементьев Е.И. Этнические аспекты... С. 53–55.

V. P. Orfinskiĭ, I. E. Grishina. Traditional Systems of Rural Settlement in Karelia

Considered in this article is the problem of settlement, i.e. the problem of mutual disposition of settlements on the terrain with the purpose of economic exploitation of the territory. As the authors show the specific patterns of settlement and the unevenness of agrarian development of Karelia at the turn of the 19th–20th centuries resulted in the non-uniformity of the picture of settlement in this area. The example of Karelia is used to demonstrate that traditional rural settlement pattern is a phenomenon keenly sensitive to the changing realities of life.

© 1999 г., ЭО, № 6

Д. М. Дудко

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТНОГЕОГРАФИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ГЕРОДОТ, ПСЕВДО-ЗАХАРИЯ, НЕСТОР

Первое обстоятельное этногеографическое описание народов Восточной Европы – скифов и их соседей – оставил Геродот (IV, 1–36, 46–82, 99–117). Тысячу лет спустя подобное описание, гораздо более короткое, но не менее ценное, сделал безымянный сирийский автор – продолжатель хроники Захарии Ритора, известный под именем Псевдо-Захарии. Еще через шесть веков этническую географию Восточной Европы составил Нестор-летописец, уделив главное внимание восточнославянским племенам.

Исследователи, как правило, смотрят на эти описания только как на этногеографические очерки, данные которых нужно увязать с географическими и археологическими картами и современными этнолингвистическими классификациями. Лишь немногие историки обращают внимание на то, что Геродот и Псевдо-Захария, как и многие другие древние и средневековые авторы, рассматривали описываемые ими народы и страны сквозь призму мифологической картины мира¹.

Мифологическое (в основе своей первобытное, родоплеменное) мировоззрение делит мир и его обитателей на «свой» центр и «чужую» периферию, «своих» (соплеменников) и «чужих» («инородцев»). При этом «свои» рассматриваются как «настоящие люди», а «чужие» в той или иной степени наделяются чертами обитателей иного (потустороннего) мира, населенного богами, демонами, чудовищами и духами предков. С развитием общества круг «своих» расширяется, охватывая народность, конфессию, расу, этнокультурную общность. «Чужими» же остаются народы, отделенные от «своих» большими расстояниями и(или) культурными, языковыми, социальными барьерами. Такие представления свойственны и первобытным, и цивилизованным обществам, и фольклорной, и книжной традиции (вплоть до современной). Они лежат в основе «баснословных» описаний далеких народов и всякого рода шовинистических и расистских мифов.